

Как возможна социальная эволюция, если индивид имеет свободу выбора?

С. В. Добролюбов

Хотя человек и обладает свободой выбора, содержание его выбора всегда ограничено, в том числе последствиями объективно направленных процессов – познанием и типизацией сознания. Познание адаптирует знания к объективной реальности. Оно изменяет понимание и отношение к действительности и к месту человека в ней и опосредованно объективирует содержание социальных практик. Типизация сознания объективирует образование солидарных сообществ и их жизненный цикл. В результате прогрессивное развитие знаний, производства и культуры периодически срывается, поскольку происходит в рамках жизненных циклов все шире растущих государств-обществ. В них выделены «феодальный» и «капиталистический» паттерны социальной организации, а также две модальности социальных институтов – управленческая и самоуправленческая. Предложена эволюционная периодизация исторической динамики, ведущая к глобальному обществу.

Ключевые слова: социальная эволюция, социогенез, жизненный цикл обществ, глобальное общество, социальная модальность, социальный паттерн.

Big History (Grinin *et al.* 2011), как ее позиционирует энтузиаст и один из лидеров этого направления Дэвид Кристиан (2001), – это проект, имеющий гораздо более сильный образовательный, и в этом смысле даже идеологический, нежели исследовательский, аспект. Фокус интерпретации истории в таком масштабе направлен на ее современное острие – на человека. Большая история не просто объясняет эволюцию, она направлена на изменение сознания человека, на осознание им своего значения в данном процессе, на принятие им эволюционной ответственности этого масштаба. В данной части ее предмет не только сближается с социальной эволюцией, но и сама она, как объективное знание, становится фактором этой эволюции.

При этом методологический универсализм Большой истории ценен тем, что позволяет смотреть на социальную эволюцию не только со стороны собственно социальных феноменов, но и со стороны универсальной

направленности всех эволюционных процессов на усложнение форм. В ее рамках вопрос, вынесенный в заглавие статьи, имеет универсальный ответ для всех эволюций.

В настоящей статье я хочу показать, что социальная эволюция возможна как *направленный* макропроцесс, потому что люди в своей субъективно свободной деятельности стремятся к достижению целей, которые оказываются объективно неизбежными. На начальном этапе социальной эволюции эти цели обуславливались врожденными, то есть объективными социальными свойствами психики человека, затем они стали все более обуславливаться содержанием его знаний. Но содержание знания объективно, поэтому возможна историческая и эволюционная объективация социальных целей человека.

Универсальность Вселенной и эволюционных процессов в ней

Универсальность материи предполагает, что разные эволюционные процессы должны иметь общие свойства. В основе их общности лежит тот факт, что все они являются процессами самоорганизации (Г. Хакен, И. Пригожин, С. Курдюмов и др.), а это имеет несколько следствий.

Во-первых, если самоорганизация – это самосборка компонентов в системную целостность, то вне зависимости от механизма данного процесса в нем возможны два вида изменений – рост сложности организации системы (рост ее иерархии) и реорганизация системы на одном уровне сложности. Рост иерархии ведет к появлению *качественно новых* свойств целого, а реорганизация – к *адаптации* этих свойств к разным или меняющимся условиям среды, что вместе приводит к росту разнообразия систем.

Однако мы интерпретируем эти изменения по-разному. Более сложные состояния возможны (открыты) при наличии предшествующих более простых, поэтому рост сложности происходит последовательно. Мы описываем его как *однонаправленную* (в сторону усложнения) эволюцию в собственном значении этого термина (от лат. *evolutio* – разворачивание манускриптов), а видоизменение системы одной и той же сложности – как ее *разнонаправленную* адаптивную эволюцию.

При этом адаптация (приспособление) системы не является прямой целью самоорганизации. Самоорганизация – это свойство материи, вытекающее из наличия фундаментальных взаимодействий. События самоорганизации происходят вне зависимости от того, будут продукты самоорганизации устойчивыми (приспособленными) или нет. Устойчивость (приспособленность) – это лишь условие, накладываемое на самоорганизацию, поэтому процесс формотворчества движется от одного устойчивого состояния к другому. Но и усложняющиеся, и лишь видоизменяющиеся системы являются адаптированными, иначе они просто перестают существо-

вать. Вопрос состоит в том, в какой мере объективны и поэтому детерминированы сами возникающие в этом процессе формы.

Во-вторых, в основе всех процессов самоорганизации лежит единая природа событий на фундаментальном уровне материи. Все события недетерминированы (вероятностны, бифуркационны, произвольны), а состояния (формы) ограничены предыдущими, в рекурсии – начальными, условиями. Конечно, при росте сложности быстро нарастает разнообразие возможных состояний, но существует множество объективных факторов, которые ограничивают количество устойчивых форм.

В биологической эволюции имеются два таких ограничивающих фактора: объективность *физических* свойств среды, которая объективирует структуру тела организмов, используемые способы движения, биохимические механизмы и т. д., и объективность уровней сложности *содержательной* обработки информации, которая объективирует уровни сложности нервной системы (Добролюбов 2013).

На всех уровнях сложности самоорганизации существуют объективные аттракторы (матрицы, ряды, типологии) возможных состояний, которые эволюционно заполняются, например: периодическая таблица химических элементов, гомологические ряды органических соединений, конвергентные формы животных, уровни сложности нервного управления: реактивность – психика – сознание и т. д. В социальной сфере также имеется ряд объективных форм (аттракторов) социальной самоорганизации, например: *группа – вождество – раннее государство* (Sahlins 1960), *аграрное и индустриальное общество, автократия и демократия* и т. д.

В-третьих, все виды эволюций происходят в циклических процессах. Каждый цикл изменяет начальные условия следующего цикла. Жизненные циклы имеют звезды, планеты, континенты, эко- и социосистемы, не говоря уже об организмах. И на всех уровнях сложности существует общая проблема: должны ли мы понимать развитие организма (или системы) от ее зарождения до гибели как ее эволюцию или мы должны считать эволюцией накопление изменений в череде жизненных циклов организмов (систем)? Это вопрос соглашения, поскольку оба процесса всегда имеют место, хотя и разной степени выраженности. Важен масштаб наблюдения процесса.

Масштаб рассмотрения процесса

Поскольку события обладают свободой, то, ставя задачу обнаружения закономерностей процесса, мы вынуждены всегда переходить на макроуровень его наблюдения, при котором сами события исключаются из рассмотрения.

Для каждого эволюционного процесса есть своя граница его «разрешения» или «зернистости» (Кристиан 2001), которая разделяет микро- и макроуровни его описания и соизмерима с основными событиями этого

процесса. Пересекая эту границу в сторону макронаблюдения, мы теряем возможность рассматривать событийный аспект процесса и можем рассматривать только содержательный, структурный его аспект, иначе говоря, видим формы, а не события. Но поскольку изменение форм все равно наблюдается как процесс, встает проблема дефиниции *события*, которое оказывается относительным активному объекту (в социальной сфере – субъекту) этого процесса. Например, *эволюционным событием* является переход обществ от собирательства и охоты к оседлому образу жизни, т.е. появление нового типа обществ. При этом конкретное *историческое событие* такого перехода, которого мы можем даже не знать, уже несущественно для эволюционного масштаба анализа.

На фундаментальном уровне все изменения являются квантовыми, поэтому наблюдать их как процесс мы можем только при макровзгляде. Но и более сложные эволюционные процессы в собственно эволюционном смысле также являются «квантовыми». Мы можем наблюдать их как объективно направленные только при макровзгляде. В физической области эту границу микро- и макроописания процесса задают частицы и фундаментальные *взаимодействия*, в биологической – генные мутации и *адаптации* организмов, в социальной сфере – человек и его *действия* (см. Табл. 1).

Таблица 1. Граница микро- и макронаблюдения процесса

Вид эволюции	Масштаб наблюдения (познания) эволюции		
	МИКРО ←	→	МАКРО
Физическая	Взаимодействия частиц	→	изменения предметов, объектов
Биологическая	Мутации ←	Адаптации таксонов (видов)	→ Царства, типы, классы, семейства...
Социальная	События, случаи ...	← Действия человека	→ Формы, структуры, законы ...
Галактическая		← Трансформации звезд	→
Вселенская	Эволюция вселенной для внутреннего наблюдателя – это микропроцесс ←		Трансформации галактик

К примеру, в социуме происходят события и явления, *соизмеримые* с человеком, с его намерениями, целями, наконец, с продолжительностью его жизни. Их изучают история, социология, политология и т. д. Рассматривая *действия* человека, они не могут обнаруживать в них эволюционных (и исторических) закономерностей, а лишь субъективные намерения, случайные обстоятельства. Но в социуме также имеют место изменения, *не-соизмеримые* с человеком и его целями. Они либо являются непреднамеренными последствиями его действий, то есть последствиями, которые он сознательно не планировал, либо лежат за горизонтом планирования и по-

нимания процесса. Только исключая из рассмотрения человека и его намерения, мы можем обнаруживать закономерности. Этим путем идут *мир-системный анализ*, *World History*, *Global History*, *Big History*, *Cross-Cultural Studies* и т. д.

Какие бы эволюционные факторы перехода (к примеру, вожества в раннее государство) мы ни рассматривали – рост населения, контроль территории и экономики, завоевания, идеологию, социальный формат, влияние уже существующих государств (Классен 2000), – они *не детерминируют* трансформацию и не объясняют причины, по которой она произошла. Все изменения осуществляются акторами, которые обладают свободой действий. Непосредственная причина социальных событий *не может быть объективной*, поскольку она всегда связана с *субъективными* намерениями акторов.

Это же касается перехода от собирательства и охоты к оседлому образу жизни. На макроуровне мы можем понимать этот переход как объективный и рассматривать как эволюционное событие. Но если бы мы могли наблюдать действия того человека (или группы), который первым начал этот процесс, то ничего, кроме субъективных намерений, цепи случайностей, мы не смогли бы в них обнаружить.

Все подходы, с помощью которых в конкретных трансформациях конкретных обществ пытаются обнаружить эволюционные закономерности, всегда приводят к концепции мультилинейности эволюции, а если они последовательны, то к ее *безлинейности*, ненаправленности либо вообще к ее отрицанию, что сильнее всего проявляется в истории (А. Тойнби) и социологии (Э. Гидденс).

В биологической эволюции этот подход проявляется в том, что генетики, изучающие конкретные *адаптации* организмов, возражают против объективной направленности эволюции к усложнению форм, поскольку они не видят ничего, кроме случайных адаптивных приспособлений к изменяющимся условиям. В свою очередь биологи, рассматривающие последовательность самих форм и обнаруживающие ее направленность к росту сложности, не могут доказать закономерность трансформаций, порождавших новые ветви на эволюционном древе.

Социальная эволюция и ее общность с биологической

В социальной сфере проблемы однолинейного понимания эволюции (Л. Уайт) возникают вследствие теоретической неясности механизма эволюционных изменений. Поэтому М. Салинс (Sahlins 1960) предложил разделять эволюцию на «общую» (усложнение) и «специфическую» (адаптация), что приблизительно соответствует макро- и микровзгляду на нее. Сегодня популярна концепция «мультилинейной» эволюции (Steward 1979). Х. Й. М. Классен определяет ее как всевозможные «структурные изменения, качественно отличающиеся от предыдущей формы» (Классен 2000).

Отступление эволюционизма от идеи однонаправленного прогрессивного развития общества произошло под давлением антропологии, этнологии, истории, социологии, то есть наук, занимающихся конкретными культурами, событиями, трансформациями, а в конечном итоге – под давлением разнообразия социальных изменений и свободы действий индивида. Против однолинейности работает также цикличность развития обществ и отсутствие жесткой корреляции (Коротаев 2003) между разными измерениями эволюционного прогресса в производстве, культуре, идеологиях, социальных отношениях.

В естественной эволюции мультилинейность очевидна; она выражается в видовом разнообразии и заполненности биосферы организмами разной сложности – от вирусов до человека. В социальной сфере также естественна ситуация, когда вместе существуют и различной сложности общества (группы охотников и городские цивилизации), и по-разному приспособленные общества (демократии, монархии, автократии). Все общества являются приспособленными, и мы не можем выдвигать требования к конкретному обществу (как и к организму или биосоциому) эволюционировать к более сложной организации или к изменению формы приспособления. Хотя такие изменения в некоторых обществах (и организмах) случаются.

Между тем научный интерес в биологической и социальной эволюциях сосредоточен на разных проблемах. Синтетическая теория эволюции (СТЭ) объясняет механизм адаптивных изменений, но не усложнение организмов. К примеру, трансформация одного из видов гоминид в человека остается областью спекулятивных интерпретаций, поскольку биологи понимают ее как адаптацию и пытаются связать с особыми условиями среды. В социальной сфере эволюционистский интерес, наоборот, сосредоточен на объяснении механизма усложнения (прогресса, развития, модернизации и т. д.) общества, а вовсе не механизма его культурной адаптации к условиям существования. Но усложнение – это менее всего разработанная проблема в СТЭ, именно поэтому биологические аналогии оказываются спекулятивными в социальной сфере.

Чтобы методологически корректно подойти к сравнению социальной и биологической эволюций, мы прежде всего должны редуцировать общество и человека к их эволюционно первичному состоянию. Современное общество прошло путь от группы собирателей и охотников, а эта группа произошла от стаи (социума) гоминид. Таким образом, общество является преемником и, следовательно, прямым эволюционным аналогом биологических социумов: стай, прайдов, муравейников и т. д. И хотя современное общество далеко ушло от первобытной группы в структуре социальных отношений и их сложности, оно сохраняет фундаментальное свойство первичного биосоциума – опосредуется социальными свойствами индивидов, то есть их навыками, которые оказываются теперь уже не врожденными, а приобретенными.

При аналогичной редукции свойств индивида мы обнаруживаем, что у человека эволюционным изменениям подверглись содержание сознания и связанные с ним социальные навыки. Поэтому, исходя из присущей человеку дуальности, мы можем выделить социальную эволюцию в двух формах – эволюцию идей (представлений) и эволюцию рутинных практик (структур, институтов). Можно предложить следующую таблицу (Табл. 2) для обоснования сравнения эволюций.

Таблица 2. Аналогия биологических и социальных феноменов

Биологические феномены ↓ (содержание/структура)	Социальные феномены	
	(как идеи в сознании)	(как практики и структуры)
Гены	Идеи, понятия (мемы)	Индивидуальные навыки
Доминантные аллели	Распространенные идеи, стереотипы	Традиции, ритуалы, типовые практики
Организм	Индивидуальное сознание	Индивид, его тело
Биосообщество (семья, стая, прайд...)	Общественное (типичное и солидарное) сознание в рамках сообщества	Общество как структура – индивидов + практик (группа, племя, государство...)
Популяция	Типичность (общность) идей в локальных мир-системах, цивилизациях...	Региональная группа обществ, цивилизаций... (Старый Свет, Новый Свет, Китай, Океания...)
Вид	Типичность сознаний в глобальной Мир-Системе	Все человечество как физическая общность

Однако это лишь основа, поскольку между объектами биологической и социальной эволюций не удастся провести прямых аналогий, несмотря на предпринимаемые попытки (Hallpike 1986; Mesoudi *et al.* 2006). Аналогии оказываются неполными и одновременно перекрестными. В своей недавней работе Л. Гринин, А. Коротаев и А. Марков, рассматривая вопрос сравнимости эволюций, пришли к выводу, что «для разных задач необходимо избирать тот масштаб и уровень социальных и биологических явлений, форм и процессов, которые в данной системе исследования будут наиболее продуктивными» (Гринин и др. 2012: 135). Мне представляется, что эти затруднения отчасти порождаются проблемами в самой биологии. Например, современная СТЭ не дает объяснения жизненным циклам биосоциумов (зарождение – зрелость – распад), то есть не замечает, что в са-

мой биологии возможна столь же спекулятивная аналогия социума с организмом.

Попробуем обнаружить сравнимые объекты эволюций и соответствующий им масштаб наблюдения. Очевидно, что общества (как и биосообщества) не эволюционируют одно из другого. Эволюционируют не социумы и организмы, а их виды. Организмы и их социумы совершают лишь жизненные циклы, каждый раз с новыми начальными условиями. Эволюция обществ (как и биосообществ) происходит не на уровне борьбы и отбора социальных систем, а на уровне изменчивости и отбора социальных свойств индивидов, то есть на уровне появления и утверждения в обществе идей и практик, которые одновременно опосредуют общество.

В природе мы не рассматриваем замещение одного биосоциума (например, львиного прайда) другим как эволюционную победу более приспособленного социума. Крупные и развитые общества также разрушаются или завоевываются, как правило, не более совершенными, а более молодыми и варварскими обществами. Их гибель обусловлена утратой групповой солидарности, нежеланием защищать свое общество, а не низким уровнем социального развития. Именно поэтому основными свойствами, которые мы должны рассматривать для объяснения динамики жизненного цикла общества, являются свойства, обеспечивающие его интегрированность – социальную власть и групповое самосознание (солидарность).

Общественное сознание и самосознание имеют собственную природу и механизм изменчивости. Общественное сознание содержит общие (типичные) представления, которые действительно можно представлять аналогами генов – мемами (Докинз 1993), обладающими изменчивостью и подвергающимися «отбору» в процессе типизации. Но типизация приводит к рефлексивному ее осознанию индивидами и формированию у них группового самосознания и коллективной субъектности (Добролюбов 2012б). В отношении общественного сознания возможна *эволюционная* аналогия с популяцией (ее генофондом). Но так как общественное сознание обладает субъектной целостностью, также возможна его *функциональная* аналогия с организмом, поскольку оба они – и организм, и групповая солидарность – обладают жизненными циклами.

Итак, общество может быть аналогом и популяции, и организма. Как популяция оно поддерживает устойчивые свойства общественного сознания, которое воспроизводит типичные сознание и практику индивидов, но также аккумулирует в них изменения. А как организм оно имеет жизненный цикл своего вызревания и разложения.

Оба этих свойства реализуются в социальной динамике. Прогрессивный рост знаний, культуры, социальных практик периодически срывается вместе с гибелью обществ. Но достигнутый уровень развития утрачивает-

ся не полностью, и общества начинают следующий цикл развития с новыми начальными условиями. Например, коллапс Римской империи привел к утрате цивилизованности и достигнутого уровня знаний и практик, однако многие достижения (религия, право, некоторые технологии) послужили основой для нового цикла развития европейского сознания, науки, производства, социальных практик.

Соответственно мы можем выделить *исторические изменения* в конкретной общности, часть из которых реализует ее объективный жизненный цикл (вызревание – разложение общности), а часть – накопление качественных изменений (прогресс) в ней. Но мы также можем выделить собственно *эволюционные изменения* как изменения сознания и социальных практик, наблюдаемые поверх циклического генезиса обществ (Dobrolyubov 2012), например как «неолитическую революцию» или «осевые» изменения и т. д., которые интерпретируются как макроэволюция.

Мы должны искать эволюционный механизм не в детерминации индивидуального выбора (действия), а в том, каким образом содержание этого выбора ограничивается (сужается) до очевидного, неизбежного, объективного. Здесь важно рассмотрение не действий и событий, а обстоятельств, в которых они совершаются. Эти обстоятельства (условия) имеют две объективные компоненты и, соответственно, два их измерения: *содержательно-качественное* и *содержательно-типическое*. Первое связано с объективностью содержания знания, второе – с объективностью его социальной типизации (Добролюбов 2012б). В ординатах сложности (в социологии – дифференцированности) и типичности (интегрированности, размерности) и возможна объективная типология социальных форм (Рис. 1), которая содержит ряд серий форм близкого качества, но разной размерности. Можно выделить кровнородственную серию форматов, которые являются потенциальными нишами для собственно социальной интеграции, серию вождеств разной размерности, серию ранних и традиционных государств и серию современных универсальных обществ.

При этом переходы в рамках серии и между сериями, к примеру трансформация вождества в раннее государство (основной пункт теоретического интереса эволюционистов), не детерминированы, но они периодически происходят. Причиной тому является не детерминированность событий, а детерминированность самих социальных форматов и их соответствие уровню зрелости материальных и содержательных условий.

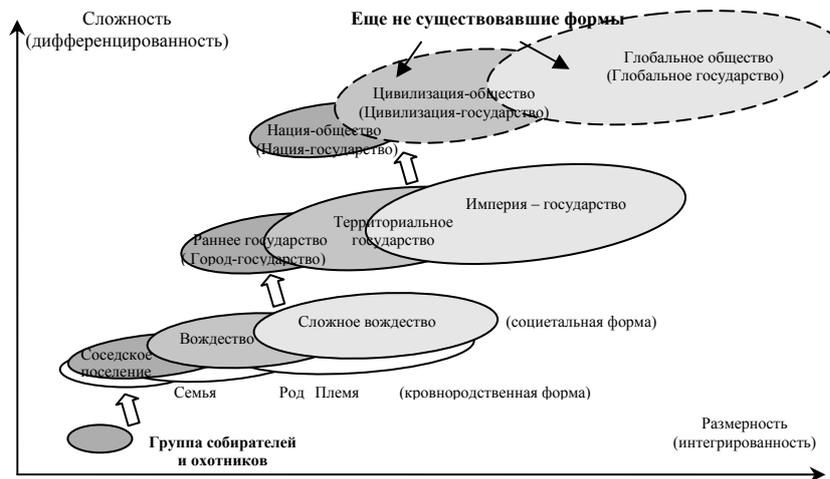

Рис. 1. Типология социальных форм

Сложное вождество как политическая система может не усложняться дальше (или даже упрощаться, то есть распадаться). Но если в возникающем более широком политическом формате начинает складываться такого же формата единое общество, то не существует иного пути регулирования усложняющихся социальных отношений и поддержания социального порядка, кроме появления специализированных организаций. Определенное их качество (зрелость) принято считать государственным, например наличие трехуровневой управленческой иерархии, бюрократического аппарата, налоговой системы, кодификации законов. Эти организации структурно разнообразятся в разных условиях существования обществ, например в приморских торговых городах-государствах, территориальных государствах или империях кочевников, поэтому возможны аналоги традиционных государств (Гринин 2006а) по параметрам *сложности* и *размерности*.

Объективность эволюционного роста сложности

Г. Спенсер понимал рост сложности как изменение от несвязной однородности к связанной разнородности или как *дифференциацию* и *интеграцию*, но такое слишком общее определение мало помогает практически измерить сложность общества.

Количественные показатели социальной сложности наиболее легко обнаруживаются в материальной сфере как меры энергии, ресурсов, информации и т. д. Но и гуманитарные сферы деятельности, которые мы должны были бы рассматривать как отдельные направления эволюционного развития и которые имеют свои меры сложности, коррелируют друг

с другом и материальной сферой. Это обусловлено тем, что все они содержательны и через содержание связаны друг с другом и первичным эволюционным процессом – *познанием*.

Познание – это единственный процесс в социальной сфере, который действительно «разворачивается» в объективном, детерминированном направлении, поскольку в ходе него человек адаптирует свои представления к объективной реальности. Именно объективность знания обеспечивает корреляцию с познанием и известную объективность уровням развития технологий, производства, идеологий, социальных отношений.

Познавая и осваивая действительность, человек не только изменяет свое понимание действительности, но и отношение к ней, а главное – свое отношение к собственному месту и роли в этой действительности. Эта роль эволюционно возрастает. Эволюция содержания сознания идет от полного непонимания и мистификации природы (и служебной роли человека в ней) к более полному познанию природы (и абсолютизации человека в ней).

Объективный характер эволюции социальных практик наиболее ярко проявляется именно в наиболее спекулятивных областях практики, например в религии. Всякая религиозная концепция бытия надстраивается над рациональным знанием о реальности и является ирреальным дополнением целостной картины мира. Познавая и осваивая действительность, человек последовательно вытеснял сверхъестественную причинность из познанных и освоенных явлений. Вместе с ростом теоретического понимания и практического освоения природы он усложнял представление об ирреальном, придавал ему все более универсальный характер и все более очеловечивал, этицировал его, поскольку сопоставлял его с собственной ролью. Сначала он верил в духов конкретных растений и животных, затем в духов отвлеченных сил природы, потом в богов в животном, затем в человеческом облике. Вслед за осознанием собственной исключительной значимости в природе он пришел к универсальному богу всего бытия (монотеизму), и очевидно, что это не финал в интерпретации ирреального.

Социальные практики также содержат в себе *отношение* к человеку, которое есть опосредованный результат понимания его места в действительности. Оно выражается в разной гуманности социальных практик, ритуалов, моральных норм и т. д. В группах охотников и собирателей рациональным было уничтожение побежденных противников, каннибализм; в первых цивилизациях – приношение человеческих жертв. Рациональность античных обществ, преодолев языческую «бесчеловечность», осталась совместимой с убийством гладиаторов, с рабством. Лишь христианская идеология позволила существенно возвысить ценность человеческой жизни. Сегодня мы уже понимаем человека, его потребности и права как высшие ценности. Эти изменения имеют объективную направленность, ко-

торая определяется объективностью знания о месте человека в мире и естественным стремлением человека к свободе и самореализации. При движении в этом направлении происходит возрастание ценности человека, что выражается в *гуманизации* сознания, социальных отношений и их *индивидуализации*, связанной с расширением свободы человека в обществе.

При этом существует связь между отвлеченностью (сложностью) концептов, в которых понимаются реальные и ирреальные явления, и максимально возможной сложностью общества. Каждому более крупному обществу для своей интеграции требуются более совершенные, более универсальные и человекоцентричные идеологии и ценности. Например, объединение граждан в полисном государстве требует преодоления родовых ценностей и появления идеологии гражданства, а объединение людей в мультикультурном имперском обществе (Римская империя, Древний Китай) требует более универсальной религии и идеологии.

Содержательная корреляция разных сфер и аспектов деятельности человека допускает разнообразные интерпретации этой корреляции, например в виде техно-гуманитарного баланса (Назаретян 2007). Но она также позволяет объединение всех направлений развития в единую ординату сложности и выделение на ней очень общих (макро)уровней или эволюционных платформ, на которых наблюдается одинаковая сложность, универсальность, гуманистичность идей и практик (Табл. 3). На этой корреляции построены и периодизации истории по различным основаниям (материальным и культурным), начиная с предложенной Г. Морганом и до более современных (Ясперс 1994; Гудсблом 2001; Гринин 2006б и т. д.).

Таблица 3. Эволюционные платформы

Платформы	Параметры	Сложность знания	Сложность технологий	Сложность религии	Роль человека в природе	Роль человека в обществе	Максим. размер общества	Длительность генезиса	Примеры обществ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Современность	Теоретическое познание чувственно не наблюдаемых явлений	Научные технологии	Пантеизм, научные концепции	Человек – вершина и цель природы	Абсолютизация свободы, прав, самореализации личности	Глобальное общество	7–8 фаз, 1750–2000 лет	Европа	

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Античность, «Освоее время»	Абстрактные теории. Появление науки	Железные технологии	Монотеизм	Человек – хозяин природы	Гражданин в полисе. Гражданские права	Империя	6–7 фаз, 1500–1750 лет	Афины, Рим, Китай, Индия
Вторичные цивилизации	Абстрактные понятия в математике, астрономии, строительстве	Бронзовые технологии	Боги в облике человека (язычество)	Власть над силами природы. Вызов богам (мифология героев)	Жесткие страты. Защита прав и собственности в страте	Территориальное государство	5–6 фаз, 1250–1500 лет	Персия, Ассирия, Вавилон
Первичные цивилизации	Абстрактные понятия в счете, письме...	Ирригация. Ранняя бронза	Боги в облике животных	Власть над металлом, рекой...	Государство. Жесткая социальная структура	Раннее государство (Город-государство)	4–5 фаз, 1250–1250 лет	Египет, Шумер
Неолитические поселения	Практические знания в селекции, производстве керамики	Одомашнивание растений, животных, производство керамики	Духи отвлеченных сил природы	Власть над освоенной и познанной природой	Личная ответственность, частичная свобода в соседской общине	Вожделение, сложное вождество	3–4 фазы, 750–1000 лет	Нагуфия, Иерихон
Мезолитические группы	Практические знания в охоте, изготовлении орудий...	Производство орудий труда	Духи растений, животных...	Полная зависимость от природы. Мистификация природы	Групповое сознание. Полная зависимость от группы	Группа собирателей/охотников		

Но есть одно измерение сложности, которое мы не можем объединять с другими, – это размерность общества. Хотя она также коррелирует сложности, именно здесь обнаруживаются периодическое вызревание и разложение коллективной солидарности, возникновение и распад сплоченных сообществ. Поэтому *историческое* движение обществ в эволюционном направлении оказываются прерывистым, поступательно-возвратным, связанным с циклами их генезиса.

Объективность жизненных циклов обществ (колебаний размерности)

Объективный характер размерной динамики обществ связан с объективностью процесса типизации идей и практик в области общения и с объективностью тенденции к расширению общения. К примеру, общность языка, традиций, культуры и т. д. не определяется (не управляется) ни одним индивидуальным намерением, они являются объективно данными индивидам. Рефлексия на свою одинаковость приводит к формированию группового самосознания и появлению сплоченных сообществ (Добролюбов 2012). Типизация в их рамках индивидуальных устремлений к *конкуренции* и *сотрудничеству* запускает механизм генезиса общности (Dobrolyubov 2009; Добролюбов 2010; 2012a) как процесса расширения ее формальной (государство) и неформальной (общество) структуры. Генезис каждой общности проходит четыре фазы – предварительную, административную, универсальную и завершающую. При этом в *административной фазе* (Рис. 2) образуется более широкая государственная структура, в рамках которой начинаются более интенсивное общение и типизация социальных практик. А в *универсальной фазе* вызревают коллективное самосознание и субъектность. Общность приобретает ценностную связанность, становится сплоченной и начинает конкуренцию и экспансию в более широком формате. Перенос солидарности на более широкий формат связан с преодолением более узкой солидарности, что сопровождается кризисом ценностей, идентичностей, обострением конфликта более широких (интеграционных) и узких (дезинтеграционных) элит.

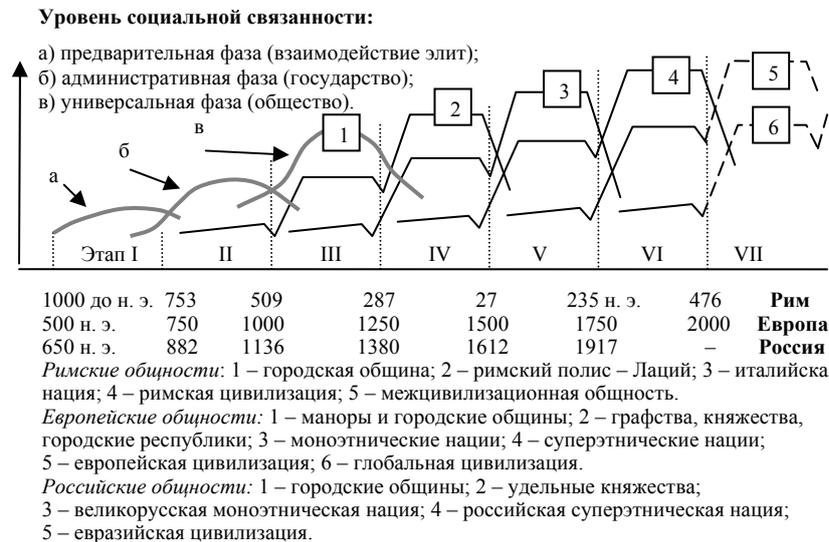

Рис. 2. Цивилизационный цикл социальной связанности

Результат конкуренции конкретных общностей не детерминирован и открыт, но объективно он состоит в том, что одна из них неизбежно образует более широкую общность, в рамках которой цикл повторяется. Общность может последовательно расширяться и закрепляться в нишах полисного (город-государство, княжество и т. д.), этнического (национального) и цивилизационного (имперского) размера (Рис. 2). Этот путь проходили номы Древнего Египта, городская община Рима, русские княжества, европейские нации и т. д.

Объективная направленность этого процесса к росту формата общества проявляется и в современной евроинтеграции. Несмотря на свободу действий социальных акторов – сторонников или противников евроинтеграции, растущее общение, типизация практик, вызревание европейского самосознания, конкурирующего с национальным, сужает выбор, делает его все более очевидным. Это объективно ведет процесс к формированию общеевропейского общества-государства, хотя он является открытым и может сорваться при кризисе.

Коллективная субъектность (солидарность) движется к более широким форматам до тех пор, пока эволюционное совершенство знаний и материальных технологий, универсализм религий, привлекательность социальных идей и институтов обеспечивают *интеграцию* все более *дифференцирующейся* сложности. При достижении эволюционного предела интеграции общность, не приобретя более широкой, теряет и более узкую солидарность и коллапсирует. Если бы не эта внутренняя причина распада обществ, то история была бы продолжением цивилизаций Шумера или Египта. Они лишь увеличивали бы культурный и технологический отрыв от нецивилизованных народов и поглощали их в своем росте. Однако все крупные цивилизации культурно и технологически «оплодотворяют» варварское окружение, но всегда распадаются. В частности, для современной Европы угрозой представляет возможная неспособность сформировать единое европейское общество такой же целостности и солидарности, какой прежде обладали национальные общества. Тогда европейцы, утратив национальную солидарность и не заменив ее общеевропейской, окажутся в социальной среде, не имеющей никакой солидарной основы и открытой для внешней экспансии, как жители Римской империи накануне ее распада.

Общества достигают наиболее крупных размеров (интегрированности) и наивысшей сложности знаний, культуры, производственных и социальных отношений (дифференцированности) к концу цикла социогенеза. Варварские общества, заимствуя технические новации, разрушают чрезмерно разросшиеся и внутренне слабо солидарные общества, но сами могут совершать более длительный генезис и достигать большего масштаба и совершенства. Так, неолитический переход от охоты и собирательства к оседлому образу жизни создал условия для роста общества до размера города-государства. Знания и технологии железного века позволили варварским обществам расти до размеров локальных цивилизаций (империй) и достигать античного уровня развития («осевое время»). Появление науки

дает современному обществу, которое также начиналось как варварское (см. Рис. 2), технологические *возможности* достичь глобального масштаба, но для этого необходим и прорыв в сознании. Каждое более крупное общество прошлого строилось не только на более совершенных технологиях, но и более гуманных социальных отношениях и достигало большей индивидуализации личности.

Социальное совершенство (модальность) общества

Жизненные циклы затрудняют использование сложности в качестве критерия эволюционного совершенства обществ. Сама по себе сложность не позволяет учесть разные роли человека в обществе, его участие или неучастие в общественном самоуправлении, разную свободу и ответственность личности. Это в большей мере проблема типологии ранних обществ, например *группа – вождество – раннее государство*, где наблюдается движение обществ к большей социальной жесткости, и в меньшей мере типологии более развитых обществ: *аграрное – индустриальное, традиционное – современное*, где очевидно движение к большей свободе индивида.

Социальные *свобода* и *ответственность* личности взаимосвязаны и составляют неразрывную дихотомию. Развитие свободы/ответственности имеет эволюционное и историческое измерение. В эволюционном смысле происходит возрастание роли индивида в обществе на разных эволюционных платформах (Табл. 3). В историческом же смысле свобода и ответственность являются конкретной реализацией этой роли в ходе генезиса данного общества. Эта реализация может иметь два полюса – максимальное доминирование государства над личностью (деспотия, автократия), что предполагает минимальную социальную ответственность индивидов, и максимальную свободу личности в обществе (самоуправление, демократия), что предполагает максимальную ее ответственность.

Субъективно свобода индивида может быть полной, когда он реализует в самоуправлении собственные социальные стереотипы. Но *объективно* она неполна, поскольку социальные цели человека ограничены несовершенством его сознания. Эта внутренняя несвобода человека преодолевается вместе с эволюцией сознания.

Каждый шаг расширения общности проходит через административную фазу, поскольку он связан с формальным объединением (пусть даже и «добровольным») и необходимостью административного удержания этого объединения и доминирования в нем интеграционной элиты. Поэтому общества в ходе эволюции появлялись в более широком формате сначала в более жесткой социальной форме. Переход от неолитических поселений к цивилизации оказался возможным только вместе с появлением внешней человеку институциональной власти – государства – в ее наиболее простой и явной форме – деспотии. Когда же общество в этом формате становилось неформальной общностью (на универсальной фазе генезиса), то сила внешней человеку власти вновь могла замещаться

внутренней силой социальных стереотипов, а деспотические способы поддержания социального порядка – смягчаться и трансформироваться в некоторых случаях в демократию.

Если общество осуществляет рост путем административного подавления личности, то действительно эволюционный шаг оно совершает, когда преодолевает ограничение личности в этом более широком формате. Для этого необходима большая свобода и ответственность личности, что эволюционно связано с более совершенным, то есть индивидуализированным и ответственным, сознанием. Поэтому демократия появилась сначала в малых городских полисах, например в Греции и Индии (Гринин 2006а; Бонгард-Левин, Ильин 1969), и только в дальнейшей эволюции сознания она возникла в более крупных форматах – в нации (Рим), в суперэтнических нациях (Франция, Великобритания), а сегодня формируется в цивилизационном формате (Евросоюз). При этом изолированные кочевые и горные малые общества постоянно воспроизводят демократические формы даже в автократическом окружении (Березкин 1995; Коротаев 1995).

Автократия и демократия – это *управленческая и самоуправленческая модальности* социальных институтов, которые коррелированы с административной и универсальной фазой формирования общности. В первобытной группе, которая одновременно была и самоуправляемой, и авторитарной, эти модальности не разделялись, а в дальнейшем они стали институциональными *аттракторами*, сила которых менялась в ходе эволюции. Демократия (институциональное самоуправление) была невозможна в момент появления первых деспотических цивилизаций, затем оказалась обусловленной историческими обстоятельствами и в эволюционной перспективе будет неизбежной, а автократия – наоборот.

Но демократия не является ни более эффективной, ни более адаптивной формой общества. Адаптацией может быть и рост автократии, например переход Римской республики к империи, и инволюция обществ, например распад Римской империи. Демократия лишь более гуманизированное и индивидуализированное состояние общества, которое более сложно функционирует и требует большей социальной ответственности личности.

Поэтому для адекватного описания эволюции социальных форм (Рис. 1) мы должны отделять от интегральной ординаты сложности (помимо ранее отделенной размерности общества) ординату свободы – ответственности личности в обществе. Если общества в ординатах сложности-размерности довольно хорошо характеризуются последовательностью *группа – вождество – город-государство – территориальное государство – империя*, то в ординатах большей или меньшей свободы (участие – неучастие человека в самоуправлении обществом) – модальностью этих обществ: *автократией – демократией*.

Роль жизненных циклов и социальные паттерны

При рассмотрении социальной эволюции как макропроцесса мы должны принимать во внимание жизненные циклы обществ, иначе мы можем

придать универсальный смысл специфическим стадиям их генезиса и поместить в эволюционную последовательность завершающие (сложные) фазы развития одних обществ и начальные (простые) фазы следующих за ними, как это сделал К. Маркс, поместив феодализм после рабовладения. Это обнаруживается, если наложить циклы развития европейских цивилизаций на материальную периодизацию истории (Рис. 3).

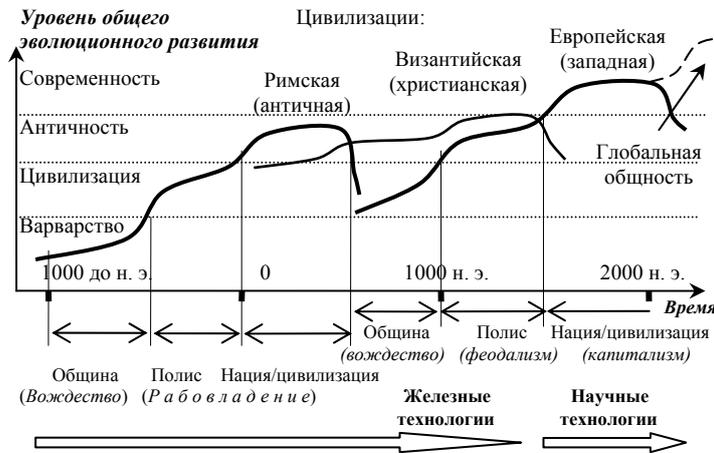

Рис. 3. Стадии и уровни развития обществ в европейской линии цивилизаций

Срыв социогенеза крупных обществ приводит к фрагментации социальных и экономических отношений и их примитивизации. Марксизм же опосредует развитие общества производством (в рекурсии – технологиями), но не жизненным циклом общества, хотя в рамках одних и тех же технологий некоторые общества совершали лишь жизненный цикл своего генезиса, а другие достигали в данном цикле культурного и социального совершенства, не выходя за рамки этих технологий.

Производственные отношения действительно являются способом связи человека со средствами производства или способом принуждения его к труду. Но этот способ содержит в себе *отношение* к человеку, а оно есть результат эволюции представлений (то есть сознания), а не технологий.

Цикличность подрывает линейную схему: *рабовладение* → *феодализм* → *капитализм* – в ее марксистском, формационном понимании, но предполагает наличие повторяющихся социальных паттернов в развитии каждого общества.

Например, первые цивилизации начали развитие со *сложного вожества* (complex chiefdom) и пришли к государственности и деспотии (Шумер, Египет). С марксистской точки зрения они принадлежали к рабовладельческой формации, хотя достигали высокого уровня развития без применения рабского труда. Например, египетские пирамиды в середине

III тыс. до н. э. были построены общинниками, а не рабами (Hawass, Lehner 1997). Лишь на поздних фазах генезиса общества и в крупных государствах рабский труд становился заметным.

В генерации вторичных цивилизаций (Персия, Ассирия, Вавилон) вначале также превалировала общинная форма собственности (Васильев 1998). Только с расширением завоеваний, ростом размеров обществ и государств рабский труд начинал использоваться в широких масштабах.

Цивилизации античной генерации (Греция, Рим) также начали с вожества. Основным производителем здесь долго оставался общинник. Лишь вместе с ростом общества, рынков, экономики, военной экспансией и притоком рабов натуральное хозяйство, использующее общинный труд, становилось товарным, использующим дешевый рабский труд. Рим, как и Афины, стал классическим рабовладельческим обществом лишь на полисной стадии роста. Прекращение экспансии в поздний имперский период привело к сокращению импорта рабов и росту их стоимости. Без всякого роста производительности труда рабов стали прикреплять к земле в качестве колоннов, что Маркс трактовал как переход к феодальным отношениям. Однако такого перехода не последовало: римское общество просто распалось.

На его месте начали развитие европейские общности – и вновь со сложного вожества. Но по пути к феодализму они «перескочили» через рабовладение.

Таким образом, у социальных систем на ранних фазах генезиса есть общие признаки: община со связанным с ней крестьянином и фрагментированное натуральное хозяйство. Даже если политики на этом этапе достигали больших размеров, они не имели под собой соответствующих размеров общества и экономики. Потому такие квази или протогосударства делегировали функции центральной власти (полицейскую, судебную, фискальную и т. д.) нижнему уровню наместников (в Европе – феодалов), закрепощали крестьянина в малой общине и выстраивали иерархическую субординацию наместников (феодалов). В Европе отношения феодалов в этой иерархии отличались доставшейся в наследство от Рима *правовой традицией*, а на Востоке данная иерархия осуществляла лишь «децентрализованную редистрибуцию» (Васильев 2008) в рамках другой *традиции*. Когда размеры обществ-экономик стали превышать размер феода, феодальная лестница начала разрушаться снизу, а натуральная экономика трансформироваться в товарную. Феодализм исчез, когда неформальные размеры обществ и экономик совпали с государственной оболочкой, что произошло на национальной стадии социогенеза вместе с возникновением наций-государств (Рис. 2).

Заметим, что широкое применение наемного труда в Европе началось приблизительно на той же стадии роста общества, на которой в Риме начал широко использоваться рабский труд. И там и тут крестьяне мигрировали в города и становились ремесленниками, а затем вытеснялись дешевыми рабами или наемными рабочими.

К. Маркс связывал капитализм с промышленным производством и образованием наций. Но общества и прежде достигали моноэтнического формата и товарного производства даже без этого технологического скачка. Индустриальные технологии и научные знания лишь придали этому естественному процессу новое качество.

Таким образом, в развитии каждого общества можно выделить *феодалный* (административный) и *капиталистический* (универалистский) *паттерны*. Один характерен для начальных стадий генезиса обществ, для их малых размеров и натуральной экономики, для *административного* характера политик. Другой – для зрелых стадий жизненного цикла обществ, для крупных рыночных экономик и *универсальных* обществ. В Европе этими паттернами были *феодализм* и *капитализм* в их марксистском понимании.

В европейском феодализме, следуя за ростом форматов обществ, можно выделить (Рис. 2) три формы – раннее (этап II), высокое (этап III) и позднее (этап IV) Средневековье, связанные с административной фазой формирования городских, полисных и моноэтнических общностей. Но мы можем обнаружить полисный капитализм в средневековых городских республиках XIII–XV вв., так же как национальный (суперэтнический) феодализм – в абсолютизме и «втором издании крепостничества» в XV–XIX вв.

Конечно, капиталистический паттерн реализовывался в Риме и Европе на эволюционно разных технологиях. Античный национальный «капитализм» остановился перед мануфактурой, а европейский достиг машинного производства. Здесь эволюционная логика Маркса верна, поскольку античный «капитализм» рабского труда и европейский капитализм наемного труда разделяют разные уровни материального развития. Но эти «капитализмы» разделены также разным уровнем гуманизации и индивидуализации сознания и различным местом человека в обществе.

Если общество переходило к широкому использованию рабского труда на зрелых стадиях генезиса, а феодальные отношения характерны для его начальных фаз, то феодализм не мог развиваться из рабовладения, а лишь из общины, что и произошло в Европе (см. Рис. 3). К. Маркс же поместил феодальную формацию между рабовладельческой и капиталистической потому, что наблюдал этот процесс с европоцентричной точки зрения. На самом деле переход от рабовладения к феодализму произошел через коллапс крупного и развитого античного общества и появление на его обломках варварских обществ, то есть через откат к более примитивной и мелкоразмерной общинной социальной организации.

Чередование паттернов и тем более смена модальностей не происходят автоматически при смене фаз. Культурная социальная традиция часто оказывается сильнее колебания этих социальных трендов. Она может консервировать и передавать не только следующим поколениям, но и следующим обществам социальные практики, традиции, неформальные институты, в том числе характеризующие модальность общества. К примеру, очевидна историческая преемственность билинейной – западной и во-

сточной – традиции социальных институтов. Восточная традиция описывается как «азиатский способ производства», как «государственная» форма общества и т. д. В обществах с устойчивой самоуправленческой модальностью эта «государственность» как бы исчезает, что отражается в концепциях аналогов и альтернатив раннего государства для самоуправляющихся горных и кочевых обществ (Березкин 1995; Коротаев 1995; Гринин 2006а; Крадин 2008), «безгосударственности» афинского и римского полисов (Берент 2000) и т. д. Также «безгосударственным» видели будущее коммунальное общество утописты-социалисты.

Если вернуться к вопросу, вынесенному в заглавие статьи, и рассмотреть его применительно к глобализации, то можно заметить, что в эволюционном смысле глобализация – это процесс, ведущий в своем пределе к эволюционно объективному (неизбежному) появлению *глобального общества* в самоуправленческой модальности, которое может возникнуть только в рамках единой *глобальной административной системы*. Но также очевидно, что эти трансформации не детерминированы и открыты, поскольку связаны со свободой действий и борьбой социальных акторов. Они могут произойти либо в генезисе современных цивилизаций, которые сами еще не завершили цикл вызревания-разложения, либо, если этот процесс сорвется, в новом цикле социального генезиса, то есть через распад современных обществ и определенный откат от их социальных достижений.

Библиография

- Березкин Ю. Е. 1995.** Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 62–78. М.: Вост. лит-ра.
- Берент М. 2000.** Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 235–258. М.: Логос.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. 1969.** *Древняя Индия: Исторический очерк*. М.: Вост. лит-ра.
- Васильев Л. С. 1998.** *История Востока*: в 2 т. М.: Высшая школа.
- Васильев Л. С. 2008.** Факторы истории. *Историческая психология и социология истории* 1: 169–195.
- Гринин Л. Е. 2006а.** Раннее государство и демократия. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006б.** *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Марков А. В. 2012.** Биологическая и социальная фазы макроэволюции: сходства и различия эволюционных принципов и механизмов. *Эволюция: Аспекты современного эволюционизма* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 130–174. М.: ЛИБРОКОМ.

- Гудсблом Й. 2001. Человеческая история и длительные социальные процессы: к синтезу хронологии и фазеологии. *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск.
- Добролюбов С. В. 2010. Теория социогенеза обществ. *Социологические исследования* 3: 3–15.
- Добролюбов С. В. 2012а. Полисный, национальный и цивилизационный циклы социогенеза российской общности. *Мир России* 2: 116–143.
- Добролюбов С. В. 2012б. Коллективный агент и коллективный субъект: некоторые основания концептуализации. *Социологический журнал* 2: 53–80.
- Добролюбов С. В. 2013. Сознание как стадия эволюции нервной иерархии. *Эволюция Земли, жизни, общества, разума* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков, с. 280–321. Волгоград: Учитель.
- Докинз Р. 1993. *Эгоистичный ген*. М.: Мир.
- Классен Х. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос.
- Коротаев А. В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы. *Альтернативные пути к ранней государственности* / Ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша, с. 77–93. Владивосток: Дальнаука.
- Коротаев А. В. 2003. *Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.
- Крадин Н. Н. 2008. Проблемы периодизации исторических процессов. *История и Математика: Модели и теории*. М.: УРСС.
- Кристиан Д. 2001. К обоснованию «Большой (Универсальной) истории». *Общественные науки и современность* 2: 137–146.
- Назаретян А. П. 2007. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М.: УРСС.
- Ясперс К. 1994. *Смысл и назначение истории*. М.: Республика.
- Dobrolyubov S. V. 2009. Theory of Society's Genesis. *Social Evolution and History* 8(1): 221–255.
- Dobrolyubov S. V. 2012. Sociogenesis vs. Marx Social Determinism. The Anthropropic Mechanism of Social Dynamics. *Social Evolution and History* 11(1): 88–123.
- Grinin L., Korotayev A., Rodrigue B. (Eds.) 2011. *Evolution: A Big History Perspective*. Volgograd: Uchitel Publishing House.
- Hallpike C. R. 1986. *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon.
- Hawass Z., Lehner M. 1997. Builders of the Pyramids. *Archaeology* 50(1): 30–38.
- Mesoudi A., Whiten A., Laland K. 2006. Towards a Unified Sciences of Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 329–383.
- Sahlins M. D. 1960. Evolution: Specific and General. *Evolution and Culture* / Eds. M. D. Sahlins, E. R. Service, pp. 12–44. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Steward J. H. 1979. *Theory of Culture Change*. Urbana.